

in Polivanov (engl.)
S. 238

„канава“	me	„покупать“		
„извергать рвоту, блевать“	ʃje	„писать“	ʃje van	„распречь“ „10.000“
„жирный“	van	„чашка“		
„лететь“	gu	„собака“		
ю „цветок“	tw fi	„земля“ „вода“		
„свинья“ ¹⁾	zь	„сын“	хиао	„картина“
„чайник“	ʒju	„вино“	zь	„буква“
„суп“	ʒw	„хозяин“	ʒju	„ступка“
„сахар“		„бог“		
„гость“	xw	„тигр“		
ј „государство“	ton	„лежать“		
			kon	„обогреваемые нары“
			kon	„жаждать“
„мед“	mi	„рис“		

О ТРЕХ ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ОРФОГРАФИИ

В „звуковом“ (т. е. буквенном) письме обнаруживаются следующие 3 принципа организации словонаписаний, т. е. орфографии:

1°. Принцип фонетический, или вернее—чисто-фонетический, состоящий в том, что моделью словонаписаний служит лишь фонетический (звуковой) состав слов—без отклонения в сторону каких-либо других критериев.

Остальные три принципа должны пониматься не как коренная замена фонетического (звукового) критерия написаний, а лишь как допущение—в том или другом объеме—отступлений от него в сторону того или другого дополнительного критерия. Дело в том, что по самой сути буквенного, или звукового (—в противоположность иероглифическому) письма подбор букв в словонаписании неизбежно будет связан, в той или другой мере, со звуковым составом слов, и ни одна из письменностей данного (т. е. буквенного, или звукового) типа—даже такая письменность, как английская (—максимально уклоняющаяся от чисто-фонетического принципа—в сторону 2°, т. е. историко-этимологического принципа)—не является полностью независимой от звукового состава изображаемых в данных написаниях слов. Полной противоположностью фонетическому принципу словонаписаний является, конечно, принцип семантический,—заведомо основывающийся

1

↑

Между прочим, к этому древне-китайскому слову (.чжу* из древнего!) я возвожу и названия свиньи в греческом (hus, sus), латинском, латышском (цука), русском и других и.-е. языках (а с другой стороны и турецк. сосца).

на звуковом составе, а на значении слова, но об этом принципе нам здесь не придется говорить, так как он ложится в основу письменностей не нашего (буквенного, или звукового), а идеографического или иероглифического типа¹⁾.

Следующий принцип, с которым нам приходится встречаться в конкретных письменностях нашего (е. буквенного, или звукового) типа—притом именно как с частным ограничением фонетичности письма,—это:

2^о. Историко-этимологический принцип, или т. н. принцип исторической орфографии.

В виде общей нормы, письмо оказывается более консервативным, чем язык; и потому в процессе развития письмо сплошь и рядом „запаздывает“, е. продолжает употреблять уже устаревшие, с точки зрения современной живой речи, написания. Пример: название месяца Август во французском пишется—хотя и не в латинской форме Augustus,— в той форме, которая соответствует старо-французскому произношению [au:t]²⁾, именно в виде

¹⁾ Правда даже и в таких—заведомо идеографических, или иероглифических (т. е. базирующихся на семантическом принципе)—письменностях, как китайская, можно проследить и известные моменты фонетичности (в широком смысле,—т. е. зависимости начертания от звукового состава слова); это, конечно,—общеизвестное для всех китайцев явление, и для пояснения его достаточно будет одного примера: китайская основа со значением „кари“ произносится в виде II, т. е. сходно со словом II „верста“; и вот поэтому, иероглиф „кари“ составляется из двух частей: 1) иероглифа „рыба“ (представляющего собою эволюционировавший в течение ряда веков рисунок рыбы) и 2) иероглифа „верста“. Но это лишь подтверждает ту давно известную истину, что в ряде существующих явлениях культуры, как и явлениях природы, сплошь и рядом совмещаются (и ведут взаимную борьбу) диаметрально противоположные начала. Можно, ведь, указать и на обратное совмещение: на то, что в наших письменностях—напр. русской и т. д.—имеются некоторые единичные идеограммы, или иероглифы: это, например, цифры I 2 3 4 5 6 7 8 9 0 или I II III IV V и т. д., или знаки §, и т. п.

²⁾ В котором, следовательно, из 8 звуков латинского слова (augustus или—в винительном—augustum) уцелело лишь 3: augustum—agusto-aust (сравн. предшествующее нынешнему написанию Aoust)—au:t

но современное французское произношение еще дальше сократило этот комплекс [au:t], превратив его в один звук [u]¹⁾; в результате, одному (и притом краткому) гласному звуку [u], который по нормам французской графики следовало бы изобразить 2 буквами ou,—благодаря „запаздыванию“ орфографии, соответствует традиционное написание Aoust—из 4-х букв.

Такие уклонения устаревших традиционных словонаписаний от современного произношения и являются обнаружениями историко-этимологического (или—можно просто сказать—исторического, или же исторически-традиционного) принципа орфографии.

Вполне естественно, что наиболее отклоняющимися от фонетического принципа в сторону историко-этимологического (—исторического) принципа оказываются именно те из западно-европейских письменностей, за которыми числится длинный ряд веков существования: например, английская, французская.²⁾ Наоборот, в относительно молодых европейских письменностях, примерами которых могут служить финская и эстонская, еще не успели образоваться более или менее значительные „отставания“ письма от устной речи, т. е. признаки исторической (обнаруживающей в себе 2^о—историко-этимологический принцип) орфографии. Правда, мне могут сделать вполне резонное указание на то, что ведь возможно путем организованно проводимых реформ освободиться от „запаздываний“ орфографии, приближая ее к состоянию современной живой речи,—как это было сделано в 17 году со старой русской

¹⁾ Звуки (a) и (t) перестали произноситься, а долгий гласный (u) подвергся сокращению в (u).

²⁾ Одним хронологическим моментом, однако, причины накопления историко-этимологических черт в орфографии, понятно, не исчерпываются (в этом отношении интересно, например, проследить разницу между английской и французской орфографиями). Но останавливаться на относящихся сюда факторах в настоящей заметке у меня нет возможности.

орфографией. Но здесь надо поставить на вид два обстоятельства: 1) строго говоря, только в Советском Союзе—впервые в мире—систематически проводится в жизнь организованное управление национальными орфографиями. В Западной же Европе, а тем более в остальных частях света, эволюция письма носила и продолжает носить стихийный характер: отдельные случаи организованных реформ (в роде, напр., столетие тому назад проведенной Вуком Караджичем реформы сербского письма), которые имели место в зап.-европейской истории письма, являются лишь крупными, буквально тонущими в общем потоке неплановых и неорганизованных сдвигов;

2) проведение или непроведение орфографической реформы зависит прежде всего от интересов господствующих классов данного государственного и национального организма: если интересам пролетариата соответствует максимальная рационализация орфографии¹⁾, то интересам буржуазии и буржуазной интеллигенции отвечает наоборот сохранение обусловленных историко-этимологическим принципом трудностей орфографии. Это отлично подтверждается, между прочим, той полемикой, которая создалась в 1917 году по поводу проекта новой русской орфографии. Кроме большевистской прессы лишь одна газета—именно газета Максима Горького „Новая Жизнь“—выступила в защиту реформы, т. е. упрощения орфографии (напечатав, в частности, мою статью на эту тему). Вся остальная—буржуазная пресса 1917 г. или с язвительной усмешкой, или пеной у рта встре-

¹⁾ Оговорюсь, что в настоящей заметке я позволяю себе употреблять слово „орфография“ в широком смысле—понимая под ней и графику (т. е. нормальные звукообозначительные функции букв), и орфографию в узком смысле (т. е. правила написания отдельных слов или категорий слов).

тила проект реформы; и этим выражена была, конечно, именно классовая точка зрения. Для буржуазии нужна именно не легкая, а трудная орфография—как препятствие на пути трудящихся классов к овладению книжной культурой, во первых, и как лишний признак собственной привилегированности, во вторых: знание правил о букве „ять“ играло в этом отношении такую же роль, как и крахмальный воротничок на шее буржуазного интеллигента, ибо для него ценен был всякий противопологающий его рабочему и крестьянину признак. Таким образом вопрос осуществления всякой направленной к упрощению письма реформы прежде всего зависит от того, какому классу принадлежит политическая власть и гегемония книжной культуры в данной стране. Именно этим, главным образом, обстоятельством и объясняется, между прочим, то, что в Японии и в Китае до сих пор пишут труднейшим в мире иероглифическим письмом (требующим для усвоения во много раз больше школьного труда, чем даже труднейшая из буквенных—английская орфография): ведь проекты замены японской и китайской иероглифики уже разработаны, и казалось бы отчего не реализовать эти проекты в массовом общенациональном масштабе? Но это будет сделано лишь тогда, когда в Японии и в Китае будут свои Октябрьские революции.

3°) Третий принцип организации орфографии—принцип, который профессор Л. В. Щерба называл (и не без оснований) этимологическим [не смешивать со 2°—историко-этимологическим, или историческим!] и который в настоящее время принято называть морфологическим. Состоит он в допущении известных отступлений от фонетического критерия словонаписаний в сторону требования, чтобы тождественные в морфологическом отношении элемен-

следующие упрощения, т. е. сокращения числа графических вариантов данного суффикса:

1) *dy di du dy* (т. е. ликвидируя написания с *t*) *qaldy, ajtdy, icdi* и т. д.

2) идя дальше, и ликвидируя (в письме лишь, конечно!) чередования губного сингармонизма, — *dy di qaldy, ajtdy, voldy, icdi, kerdı* и т. д.,

и наконец, доходя до максимального упрощения — *di: qaldi, ajtdi, icdi, voldı, kerdı, aštadi* и т. д.

Примечание: Конечно, каждое из этих упрощений может быть рациональным только при соответствующих же изменениях в отношении орфографии других суффиксов (—и спряжения, и склонения и т. д.). Добавлю, что, приводя эти проблематические упрощения лишь в качестве примера *возможного* варианта киргизской орфографии, я вовсе не настаиваю на абсолютной *необходимости* реформы в данном направлении в настоящее время.

Какой же или какие же из этих принципов могут считаться приемлемыми для советского литературно-языкового строительства, — которое стремится, конечно, к подлинной демократизации книжной культуры, и значит, заинтересовано в выработке наилучших орфографических систем, способных максимально облегчить дело ликбеза и школьную работу по изучению письма?

Ответ на это сводится к следующему: принцип 2^о — исторический, или историко-этимологический, как бесполезно затрудняющий процесс обучения чтению — письму, нужно считать неприемлемым. Орфографии советских народностей должны базироваться на всесторонне обдуманном комбинировании 1^о (фонетического) и 3^о („морфологического“, или — по Л. В. Щербе — „этимологического“) принципа: в отношении каждого отдельного пункта следует взвешивать — какой из данных двух (1^о, 3^о) принципов

оказывается более выгодным в педагогическом отношении.

Дело в том, что в ряде определенных случаев применение 3^о — „морфологического“, или по Л. В. Щербе „этимологического“ принципа дает упрощение (а значит, и облегчение) орфографии, тогда как в других, строго определенных случаях упрощение достигается, наоборот, соблюдением 1^о — фонетического — принципа.

Если, например, известное сокращение числа графических дублетов для фонетических¹⁾ альтернатив (—чередований) киргизских суффиксов (— по принципу 3^о) дает облегчение правил орфографии, то в области дунганского, например, языка можно указать на обратный случай — когда упрощение орфографии будет достигаться, наоборот, внесением фонетической (основывающейся на 1^о принципе) поправки в написания, организовываемые донныне по 3^о — т. е. „морфологическому“, или „этимологическому“ методу: именно в написаниях слов, заканчивающихся уменьшительным суффиксом — *q*, сведение всех относящихся сюда слогонаписаний к относительно небольшому числу действительно произносимых слогов с конечным *q*, конечно, только облегчит процесс усвоения орфографии, как и процесс практического применения данных написаний пишущим на родном языке дунганином. И вот, строго и всесторонне обдуманный, взвешенный на весах методико-педагогической оценки выбор между принципами 1^о и 3^о в каждом отдельном конкретном пункте вырабатываемой орфографической

¹⁾ Не надо забывать, что речь здесь может идти лишь о фонетических альтернативах (зависящих от наличных в настоящее время законов данной фонологической системы: напр, в роде таких альтернатив как *c—|ш|ж—* в *сломаь, сиить, сжечь*), но не об исторических — сложившихся в условиях давно изжитой фонологической системы альтернативах морфем (в роде *c—|co—* в *сломаь, сомаь* и т. д.)

системы и составляет, собственно, основную, типовую задачу каждого строительства орфографии в Советских условиях.

Остается сказать несколько слов о терминах, т. е. названиях вышеупомянутых принципов 1^о, 2^о, 3^о.

Если условное наименование 1^о принципа „фонетическим“ (вместо „чисто фонетический“) не вызывает сомнений (поскольку подразумевается уже сделанная мною выше оговорка о том, что в известных пределах всякое буквенное письмо есть письмо фонетическое), как и наименования „историко-этимологический принцип (орфографии)“, „respective исторический принцип (орфографии)“, то относительно наименований 3^о принципа может создаться целая дискуссия. Так или иначе, надо признать, что за ним (—за принципом 3^о) закрепляется термин „морфологический принцип“; и с этим вполне можно согласиться, хотя для полноты я позволю себе, все-таки, упомянуть о том упрощенчески—неверном понимании, которое фактически возникло у некоторых товарищей именно в связи с данным названием: „морфологический принцип“. Дело в том, что благодаря выстроившимся в ряд названиям „фонетический“ (1^о), „морфологический“ (3^о), а также и „этимологический“—вместо „историко-этимологического“ (для 2^о принципа),—некоторым казалось, что данные принципы представляют собой нечто механически—производное от трех разделов описания языка или „грамматики“: фонетики, морфологии и некой „этимологии“¹⁾. И вот возникает естественная мысль: нельзя ли изобрести подобным же образом и другие еще принципы—от остальных

¹⁾ Что понималось при этом под „этимологией“ (—этимология в старом школьном словоупотреблении или современном научном значении этого слова?) в данном случае нельзя установить.

названий разделов „грамматики“ и лингвистических дисциплин: например, „синтаксический“, „семантический“ и т. д.?

Сказано—сделано! И вот принципы эти действительно „изобретаются“. Но то, что под ними имеется в виду, это вовсе не особый принцип орфографии (который можно было бы противополжить принципам 1^о, 2^о, 3^о); это только попытка формулировать правило деления речи на письменные слова. Достаточно указать, что предложенный в качестве основы для дунганского письма „семантический принцип“ не посягает, оказывается, ни на одну из букв в написаниях дунганских слов (т. е. никаких изменений букв ни в одном из слов не предполагает вносить); ограничиваясь лишь вопросами словораздела (например в роде того, нужно ли писать *ɲan fw* или же *ɲanfw*? и т. п.); да и то, даже в этой узкой области, никаких более или менее крупных новшеств не вносит, а лишь хочет мотивировать (в формулировке правила) принятый в дунганском письме способ словораздела.¹⁾

На самом деле существует и семантический (уже без кавычек), существует—если хотите—и синтаксический принцип письма, но они лежат уже за пределами буквенного (звукового) письма, т. е. на них основываются письменности, совершенно отличные от письменностей нашего типа; так на семантическом принципе основываются идеографические, т. е. иероглифические письменности: например китайская, древнейшая египетская и т. д.; а понятие синтаксического принципа, при желании, можно, например, отнести к той архаической стадии китайской иероглифики, которая занимает промежуточное положение между

¹⁾ Мотивировка эта сводится, впрочем, лишь к такому общему—и давным давно известному—предложению: комплекс, выражающий одно понятие, пишется слитно.

пиктографией и нормальной иероглификой, — той стадии, на которой письменное (идеографическое) выражение получали не все, а лишь отборные (— в зависимости от их синтаксической и логической функции) члены предложения (— слова).

Таким образом, изобретательство оригинальных мнимых принципов — напр., „семантического“ или „синтаксического“ принципа буквенного письма — ничего кроме путаницы в теорию орфографического строительства не вносит. Что же касается правил словораздела, то конечно, в их варьациях, без особого труда, могут быть усмотрены моменты как 1^о, так и 2^о, и 3^о принципов (сравн. напр., с одной стороны чисто фонетические правила словораздела в классическом¹⁾ санскрите, традиционные исторические²⁾ словоразделы современной французской орфографии, и в третьих, — словоразделы дунганской орфографии).

Итак, с вышеприведенной оговоркой, можно условиться о применении следующих наименований для принципов организации орфографии в буквенных (звуковых) системах письма:

1^о. — Фонетический принцип;

2^о. — Исторический, или историко-этимологический принцип;

3^о. Морфологический принцип, — при чем, следовательно, простое выражение „этимологический“ — во избежание недоразумений — устраняется вовсе.

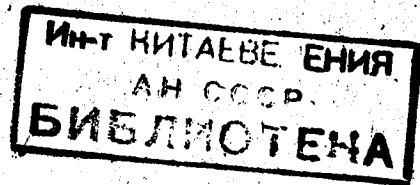
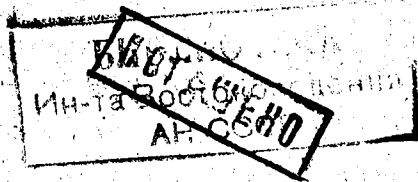
Теперь в виде исторической справки я позволю себе сказать пару слов о том, на каких соображениях основывался профессор Л. В. Щерба, давая 3^о (— морфологическому) принципу имя этимологического принципа. Конечно, здесь имелось в виду

¹⁾ Да и в ведическом, конечно

²⁾ Т. е. идущие из лагинского еще письма.

то, что единообразное написание морфемы (корневой или суффиксальной и т. д.) возвращает к этимологическому (генетическому) единству этой морфемы, — ибо ясно, что чередующиеся варианты (например — ь, ц, у, у киргизского суффикса 3 лица в *qъзь, qolu, ezy*) являются более поздними дериватами некогда единой в звуковом отношении морфемы (— для данного суффикса 3 лица — *i*, которое когда-то было самостоятельным словом: местоимением 3 лица¹⁾).

Е. Поливанов.

¹⁾ Об этом примере я упоминал в статье о принадлежности корейского языка к „алтайским“ в Изв. Акад. Наук. Об этом суффиксе писал и профессор Н. Н. Поппе.